

КАКОГО ЦВЕТА ГЛАЗА У ЛЕНИНА?

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В физиономистику давно уже никто не верит. Не зря, видимо, говорят, что наиболее благообразной внешностью обладают карточные шулеры... И все-таки каждый раз, знакомясь с человеком, всматриваешься в его лицо. Первое впечатление может оказаться и очень точным, и очень обманчивым. За заурядной внешностью можно не заметить гения, и наоборот, за внешностью гения – заурядной посредственности.

Впервые встретив Ленина, Горький записал: «Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то под мышки, стоит фертом. И вообще, весь – как то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя»¹.

Первое впечатление от внешности Ленина действительно было таково. «Его невысокая фигура в обычном картузике, – пишет Г. М. Кржижановский, – легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком – вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, при одевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, – было в его облике именно нечто как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови»².

Любопытно, что спустя много лет Борис Пастернак, совсем по другому поводу, высказал мысль, довольно близкую к словам Кржижановского: «Гений – не что иное, как редчайший и крупнейший представитель породы обыкновенных,

---

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 238.

² Там же. С. 10.

рядовых людей времени, ее бессмертное выражение. Гений ближе к этому обыкновенному человеку, сродни ему, чем к разновидностям людей необыкновенных... Гений – это *количественный полюс качественно однородного человечества*. Дистанция между гением и обыкновенным человеком воображаема, вернее, ее нет. Но в эту воображаемую и несуществующую дистанцию набивается много «интересных» людей, выдумавших длинные волосья... и бархатные куртки. Они-то (если допустить, что они исторически существуют) и есть явление посредственности. Если гений кому и противостоит, то не толпе, а этой среде...»¹

Вот, казалось бы, и найден тот угол зрения, который даст возможность подойти к анализу этой сложной исторической личности. Но стоит лишь напомнить, что старый большевик академик Кржижановский был не только горячим сторонником Ленина, но и близким его другом, как станет очевидной шаткость самой исходной позиции.

Потому что человек, не принимающий революцию, а стало быть, и Ленина, увидит и саму внешность его совсем другими глазами. Таким человеком был, например, писатель Александр Иванович Куприн. 26 декабря 1918 года он вместе с журналистом О. Л. Леонидовым побывал на приеме у Ленина, а в феврале 1921 года, будучи уже в эмиграции, опубликовал в Париже свой очерк «Моментальная фотография»...

Ленин, пишет он, «маленького роста, широкоплеч и сухощав. Ни отталкивающего, ни воинственного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх... Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит в фотографических ракурсах... Остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Руки у него большие и очень неприятные...

На глаза его я засмотрелся... от природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это вместе с быстрыми взглядами исподлобья придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков (глазной радужницы. – В. Л.)...

Прошлым летом в Парижском зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз! Разница, оказывается, только в том, что у лемура зрачки большие, бес-

¹ Литературное обозрение. 1978. № 4. С. 105.

покойные, а у Ленина они точно проколы, сделанные тоненькой иголкой, а из них точно выскакивают синие искры»¹.

Дело, конечно, не в том, что не был Ленин в молодости «огненно, красно-рыж», а в том, что стал он для Куприна фигурой знаковой, олицетворением ненавистной для него «красной смуты» и потому-то даже ленинские глаза приобрели у писателя якобы «золото-красный» тон.

Нынешние биографы Ленина возвели подобного рода позицию в принцип и сделали его основополагающим. Д. Волкогонов так и заявил: «Говорить и писать о Ленине – это прежде всего выразить свое отношение к ленинизму»². Поэтому, если вас все-таки интересуют ленинские глаза, а не «отношение к ленинизму», то придется пускаться в дальнейшие самостоятельные розыски.

Вернемся к воспоминаниям Кржижановского: «Стоило взглянуть в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, пронизывающие, полные внутренней силы и энергии, темно-темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности...»³

Свои зарисовки оставил и А. В. Луначарский: «Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи»⁴.

С Кржижановским все ясно... Но ведь и Луначарский не сторонний наблюдатель, а самый горячий поклонник Ленина. А вот красивейшая женщина, известная в те времена писательница Ариадна Тыркова-Вильямс, гимназическая подруга Н. К. Крупской, одна из лидеров партии кадетов, которую называли «единственный мужчина в кадетском ЦК», приводит совсем иное мнение: «Злой человек, этот Ленин. И глаза у него волчьи, злые»⁵.

¹ Цит. по: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 29–30.

² Там же. С. 12.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 10–11.

⁴ Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. М., 1969. С. 19.

⁵ Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 343.

Или другой пример... Василий Водовозов, о котором мы еще не раз упомянем в последующих главах, и самарский присяжный поверенный Григорий Клеменц были знакомы с Лениным примерно в одно и то же время – в 1890–1892 годах. И вот портрет, написанный Водовозовым в эмиграции в 1925 году: «Все лицо в целом поражало каким-то смешением ума и грубости, я сказал бы, какой-то животностью. Бросался в глаза лоб – умный, но покатый. Мясистый нос. В. И. был почти совершенно лысый в 21–22 года. Что-то упорное, жестокое в этих чертах сочеталось с несомненным умом»¹.

Вспомним и портрет, нарисованный Клеменцем в 1924 году: «Это был молодой человек небольшого роста, но крепкого сложения, со свежим румяным лицом, с едва пробивавшимися усами и бородкой – рыжеватого цвета – и слегка вьющимися на голове волосами, тоже рыжеватыми. На вид ему было не более 23 лет. Бросалась в глаза его большая голова с большим белым лбом. Небольшие глаза его как будто постоянно были прищурены, взгляд серьезный, вдумчивый и пристальный. На тонких губах играла несколько ироническая, сдержанная улыбка...»²

И, судя по сохранившейся фотографии Владимира Ульянова, относящейся к 1891 году, на которой хорошо были видны и отнюдь не «мясистый» нос, и совсем не «покатый» лоб, и даже прическа, а не «лысина во всю голову», портрет Клеменца достаточно точен. Ну а портрет Водовозова выписан им лишь для того, чтобы сделать общее заключение об «аморализме» облика Ленина, хотя тут же следует оговорка: «Конкретных фактов, доказывающих аморализм Ленина, относящихся ко времени моего знакомства, я не знаю...»

Так неужели же нет свидетелей объективных, которые вообще не знали – кто это и о ком идет речь?

Оказывается, есть...

Однажды, в 1904 году, Луначарский, только что познакомившись с Лениным, зашел вместе с ним в мастерскую известного скульптора Натана Аронсона.

«Владимир Ильич разделся, – рассказывает Луначарский, – и в своей обычной живой манере обошел большую мастерскую, с любопытством, но без замечаний рассматривая выставленные там гипсы, мраморы и бронзы... Аронсон отвел меня в сторону.

¹ Водовозов В. Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 175.

² Коммуна. Самара, 1924. 24 апр.

– Кто это? – зашептал он мне на ухо...

– Это один друг...

Аронсон закивал своей пушистой головой:

– У него замечательная наружность.

– Да? – спросил я с изумлением, так как я был как раз разочарован, и Ленин, которого я уже давно считал великим человеком, показался мне при личной встрече слишком похожим на среднего... хитроватого мужика.

– У него замечательнейшая голова, – говорил мне Аронсон, смотря на меня с возбуждением. – Не могли бы вы уговорить его, чтобы он мне позировал? Я сделаю хоть маленькую медаль. Он мне очень может пригодиться, например, для Сократа.

– Не думаю, что бы он согласился, – сказал я.

Тем не менее я рассказал об этом Ленину, о Сократе тоже. Ленин буквально покатывался со смеху, закрывая лицо руками!¹ А прекрасная работа Аронсона – мраморная голова Владимира Ильича – многие годы украшала Центральный музей В. И. Ленина в Москве.

Однажды в беседе с молодым большевиком И. Ф. Поповым, ставшим позднее писателем и драматургом, Ленин, говоря о Плеханове, употребил выражение «физическая сила ума». «Что это такое, Владимир Ильич, физическая сила ума? – спросил Попов. – Я не пойму». Ленин ответил: «А вот вы можете ведь сразу увидеть и отличить в человеке физическую силу. Войдет человек, посмотрите на него, и видите: сильный физически... Так и у Плеханова ум. Вы только взгляните на него, и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячет от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»². Именно такое впечатление на окружающих производил и сам Ленин.

И на этот случай у нас тоже есть вполне авторитетный и «сторонний» свидетель...

Немецкий профессор О. Фёрстер, повидавший на своем веку немало знаменитых пациентов, познакомился с Владимиром Ильичем в 20-е годы. «Всякий, не принимавший личного участия, – рассказывает он, – в великом деле Ленина, попадал, как только сталкивался с ним, под магическое действие его мощной личности... И мне довелось испытать на себе прикосновение его сильного духа...

¹ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 84–85.

² Ленин всегда с нами. С. 94–95.

И теперь он стоит передо мной, как живой, со своей коренастой фигурой, со своими эластичными движениями, со своим великолепным закругленным, как своды мощного здания, черепом; из его глаз, которые то широко раскрыты и глядят спокойно и ясно, то полуприщурены, как будто бы для того, чтобы лучше и точнее взять прицел на мир, всегда лился искрящийся поток ума...

Его мимика отличалась сказочной живостью, всякая его черта выдавала постоянную и интенсивную умственную деятельность, а также глубочайшее внутреннее переживание»¹.

Характеристики внешности Владимира Ильича, оставленные современниками, сложны и противоречивы. Но еще более сложна другая проблема – рассказ о духовном облике Ленина. «...Ни один портрет не даст подлинного физического образа Владимира Ильича, не покажет его таким, каким он был в действительности, тому, кто не знал и не видел его никогда, – заметила как-то Л. А. Фотиева, наблюдавшая его чуть ли не ежедневно на протяжении многих лет. – Еще во много раз труднее нарисовать духовный образ Ленина... Только общими силами, только коллективной работой лиц, близко знавших его, собирая все новые штрихи и новые детали его облика, жизни и деятельности, можно создать этот образ»².

Сегодня, хотя это и парадоксально звучит, мы знаем о Ленине несравненно больше, чем его современники. Выпущено 55 томов его Собрания сочинений, 40 томов «Ленинских сборников», 14 томов «Декретов Советской власти», 12 томов «Биографической хроники», сотни сборников воспоминаний. Во всех этих изданиях было опубликовано около 30 тысяч ленинских документов. И все-таки до недавнего времени примерно 6,5 тысячи оставались лежать в архиве. Из них около 3 тысяч – официальные документы, лишь подписанные Лениным. Около 2 тысяч – так называемые «маргиналии» – пометки, подчеркивания на книгах, газетах, чужих письмах и т. д. И все-таки около тысячи его писем, записок и резолюций – весьма содержательны. Недавно опубликован целый том такого рода наиболее интересных ленинских документов – более 400, считавшихся ранее «совершенно секретными»...

Но удивительное дело: чем больше этой литературы выходит в свет, тем острее становятся сами проблемы анализа жизни и деятельности Ленина. На смену старым мифам приходят новые.

¹ Правда. 1925. 21 янв.

² Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967. С. 136.

И дело тут не столько в «загадочности» его фигуры, сколько в уже упомянутой излишней «политизации» и авторов, и проблем.

В свое время, работая над «Государством и революцией», Ленин писал о Марксе и Энгельсе:

«Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его»¹.

Та же судьба ждала Ленина...

На смену иконам Богоматери с младенцем и изображениям государя императора с наследником, а то и рядом с ними, в «красных углах» российских изб появились портреты Ленина. Образ его, как бы отделившись от реальной личности, становится своего рода символом новой эпохи, «новой веры», борьбы бедных против богатых за справедливость. И для миллионов он превращается в объект чуть ли не религиозного поклонения.

Вот почему в СССР любой серьезный государственный акт, как и любой политический лидер, получали легитимизацию лишь при «благословении» его Лениным. И по табели о рангах каждый лидер значился либо «верным учеником», либо «славным продолжателем» его дела. И кстати, вот почему искать корни проблем дня сегодняшнего в прошлых деяниях Ленина по меньшей мере недобросовестно, ибо это уже совсем другая история. Это то же самое, что винить Христа в крестовых походах и кострах инквизиции, хотя и в том и в другом случае клялись словом и именем Божиим.

«Когда временами в истории человечества, – размышлял Кржижановский, – появляются люди, освещающие другим дорогу жизни, как огненные столпы, и когда мы называем таких людей гениальными, мы нередко оказываемся беспомощными в попытках объяснить гениальность этих людей... Приходится, по-видимому, признать, что общее определение гениальности – неправильно поставленная задача, что она разрешима только в приложении к вполне определенному случаю, причем по отношению к разным лицам мы будем находить совершенно разные решения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5, 6.

Если поставить задачу таким образом, то придется признать необычайную трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я, – заключает Кржижановский, – и не беру на себя ее решения, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала»¹.

Дать лишь «некоторый материал» для размышлений, некоторые, может быть, малоизвестные, но важные детали биографии, «штрихи к портрету» великого Ленина – на большее не претендует и эта книга...

И все-таки... Какого же цвета были глаза у Ленина и, может быть, действительно был он «огненно-рыж»?

Объективное свидетельство есть.

В 1895 году жандармские чины составили словесный портрет лидера «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимира Ульянова: «Рост 2 арш. 5½ вершков (166,7 см. – В. Л.), телосложение среднее, наружность производит впечатление приятное, *волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины*, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины»².

---

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 9–10.

² Красный архив. 1934. № 1(62). С. 139.